
К. М. ПИСЦОВ

АНАЛИЗ ПОВЕСТИ ЛУ ЦЬЮНЯ «ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЮАНЬЮАНЬ»*

Статья посвящена анализу повести Лу Цюня (вторая половина XVII – начало XVIII в.) «Жизнеописание Юаньюань». В повести рассказано о жизни Чэнь Юаньюань (1624–1681) – любимой второстепенной супруги полководца У Саньгуя (1612–1678). В статье охарактеризованы прототипы главных героев, рассмотрены художественные особенности произведения. Выдвигается предположение, что интерес Лу Цюня к исторической роли Юаньюань мог быть обусловлен актуальностью вопроса о женском равноправии в китайском обществе XVII в. В приложении приведен перевод произведения.

Ключевые слова: Лу Цюнь, Юаньюань, У Саньгуй, китайская литература.

Лу Цюнь (второе имя Юньши, прозвище Бэйшу) родился в уезде Цяньтан провинции Чжэцзян. Даты рождения и смерти Лу Цюня на настоящий момент не установлены, обычно время его жизни приблизительно относят к периоду Кан-си (1662–1773). Весьма вероятно, что Лу Цюнь появился на свет несколько ранее, поскольку уже в 1679 г. он принял участие в специальном экзамене *босюэ хунцы* («крупные ученые с обширной эрудицией»). Мероприятие подобного уровня, несомненно, подразумевало определенную степень литературной известности претендентов. Лауреаты данного экзамена должны были войти в состав историографического комитета и заняться составлением официальной «Истории [династии] Мин» – акт государственного значения. Лу Цюнь не выдержал экзамена, а в дальнейшем не поднялся по служебной лестнице выше должности начальника уезда (которую занимал в уезде

---

* **Для цитирования:** Писцов, К. М. 2024. Анализ повести Лу Цюня «Жизнеописание Юаньюань». *Историческая психология и социология истории* 1: 204–221. DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.09.

For citation: Pistsov, K. M. 2024. The Analysis of Lu Ciyun's Story "The Life of Yuanyuan". *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 1: 204–221 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.09.

Историческая психология и социология истории 1/2024 204–221
DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.09

Цзясянь в нынешней провинции Хэнань и в уезде Цзяньян в нынешней провинции Цзянсу) (Писцов 2020: 46–47).

В то время как чиновничья карьера господина Лу сложилась достаточно скромно, его литературное наследие (среди которого не последнее место занимает «Жизнеописание Юаньюань») до сих пор популярно в КНР. Об этом свидетельствует как наличие в китайском Интернете оригинального текста «Жизнеописания Юаньюань» Лу Цююня на классическом литературном языке *вэньянь* (Жизнеописание... б. г.б), так и представленные там же опыты его более или менее подробного комментирования и даже перевода на современный китайский литературный язык *байхуа* (Жизнеописание... б. г.а; История ... 1958).

Повесть Лу Цююня основана на реальных событиях, более того, «Жизнеописание Юаньюань» относится к жанру «неофициальной биографии», находящемуся на грани художественного произведения и исторического сочинения. Хотя с точки зрения современного читателя произведение является памятником художественной литературы, Лу Цююню оно, по-видимому, в большей степени представлялось историческим исследованием – он считал необходимым сослаться на факты, подтверждающие достоверность его трактовки образа главной героини и общей логики развития событий. В любом случае имеет смысл познакомиться с историческими прототипами основных действующих лиц. Ведущая роль в повествовании – от первых до последних строк, – безусловно, принадлежит гетере Юаньюань и полководцу У Саньгую.

Историческая Чэнь Юаньюань (1624–1681) рано осиротела, что предопределило ее дальнейшую судьбу – красивая девушка стала гетерой (Чэнь – не родная ее фамилия). Когда свойственники последнего минского императора решили отобрать на Юге Китая красавиц, чтобы поднести в дар государю, их выбор пал на Юаньюань. Однако красавица не вызвала интереса у императора и вернулась в усадьбу его тестя Тяня (который изначально и производил отбор). Затем Юаньюань стала второстепенной женой полководца У Саньгуя (Чэнь... б. г.). У Саньгуй (1612–1678) – одна из наиболее одиозных и сложных для исследования фигур китайской средневековой истории. В традиционной историографии он предстает эталоном безнравственного предателя. Весной 1644 г., когда армия крестьян-повстанцев под предводительством Ли Цзычэна подступала к столице империи Пекину, У Саньгуй являлся командующим минской армией, стоявшей в Шаньхайгуане для защиты границы от

набегов со стороны молодого и воинственного маньчжурского государства. Согласно официальной версии событий, У Саньгуй не пришел на помощь погибающей династии Мин (1368–1644). Захватив столицу, Ли Цзычэн, в руках которого оказались отец У Саньгуя и его семья, рассчитывал переманить полководца на свою сторону. Однако тот, узнав, что Ли Цзычэн забрал себе его любимую наложницу Чэнь Юаньюань, предпочел обратиться к маньчжурскому князю-регенту Доргуню (1612–1650) с просьбой о помощи в борьбе с повстанцами. Разгромив (совместно с У Саньгуем) повстанцев в сражении у Шаньхайгуаня, маньчжуры вступили в Пекин и заняли императорский престол, провозгласив основание в Китае государства Цин. У Саньгуй же за заслуги в многолетнем «умиротворении» страны был удостоен высокого титула князя-вассала и получил в управление провинцию Юньнань с некоторыми прилегающими территориями. В 1674 г. У Саньгуй поднял мятеж против маньчжурской династии, к которому примкнули еще два князя-вассала, но затем умер от болезни, а мятеж был подавлен к концу 1670-х гг. Таким образом, У Саньгуй остался в истории как коварный подданный и бессердечный сын, обрешавший на смерть отца из-за наложницы (Доронин 2002: 179–180). Но такой зловещий образ У Саньгуя в официальной цинской историографии в определенной степени – результат пристрастного отношения к человеку, мятеж которого в 1670-х гг. поставил режим «на грань катастрофы» (Доронин 2002: 205). Исследования, вышедшие в Китае во второй половине XX в., значительно корректируют традиционную версию событий. В частности, У Саньгуй ни по статусу, ни по реальной власти, которой располагал весной 1644 г., не мог самостоятельно принять решение об обращении за помощью к Доргуню и, по-видимому, выступил на переговорах лишь эмиссаром крупных северокитайских землевладельцев (Там же: 204–205). Конечно, даже с учетом этих данных нельзя полностью исключать возможность того, что история с Юаньюань оказалась 101-м (или 1001-м) фактором, повлиявшим на действия У Саньгуя. Остается отметить, что судьба Юаньюань после отступления повстанцев из Пекина не вполне ясна. Предполагается, что ей удалось воссоединиться с У Саньгуем и умерла она, вероятно, в Юньнани. Возможно, Юаньюань покончила с собой в связи с окончательным подавлением мятежа, поднятого У Саньгуем – дата смерти косвенно свидетельствует в пользу подобной версии. Имя роковой красавицы вошло в местный фольклор провинций Юньнань и Гуйчжоу. К настояще-

му времени исследована гробница в уезде Цэньгун провинции Гуйчжоу, признанная местом захоронения Юаньюань (Чэнь... б. г.).

Лу Цыюнь, рассматривая «Жизнеописание Юаньюань» как историческое или близкое по жанру к историческому сочинение, в изложении событий следует фарватеру официальной историографии – возможно, сказалось участие в экзаменах *босюэ хунцы*. Как и в другом произведении Лу Цыюня «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй»¹, правящая верхушка гибнущей империи Мин представлена довольно неприглядно, за исключением императора, вызывающего некоторое сочувствие. В данной повести знаменательной фигурой предстает императорский тесть Тянь Вань, несмотря на старость, не утративший интерес к красавицам и, кажется, гораздо больше обеспокоенный собственным благополучием, чем судьбой империи. Одна из главных целей повести – развенчание У Саньгуя, который, хотя до поры до времени и казался многим истинным патриотом, но в действительности действовал исключительно из личных интересов. Отметим, что повесть Лу Цыюня была написана *после* подавления мятежа У Саньгуя. Это, с одной стороны, позволило автору построить завершённый в сюжетном отношении рассказ о жизненном пути героев, а с другой – предопределило исключительно негативную ретроспективную оценку *всей* биографии мятежного полководца.

В китайской классической литературе известны образы романтических красавиц (включая и благовоспитанных барышень, и гетер, и дворцовых служанок), которые мечтают об истинной любви и иногда даже самовольно убегают к своему избраннику. Зачин повести Лу Цыюня может вызвать у читателя подобные ожидания – встреча У Саньгуя и Юаньюань, желанная для обоих, не состоялась. Однако дальнейшее повествование таких ожиданий не оправдывает. Центр внимания смещается на политические неурядицы в империи, а главные герои проявляют себя далеко не лучшим образом. Лу Цыюнь, безусловно, осуждает У Саньгуя. Юаньюань, похоже, тоже лишена каких-либо моральных принципов – она тяготеет к У Саньгую, но готова очаровывать и императора, с готовностью служит (и искусно льстит) Ли Цзычэну. Если ее уход от императорского тестя Тяня еще можно объяснить романтической влюбленностью, то отношения с Ли Цзычэном – вместо самопо-

---

¹ Исследованию этого произведения автор данных строк посвятил ранее специальную статью (Писцов 2020).

жертвования во имя любви – создают образ скорее продажной гетеры. Такая личность вполне под стать беспринципному полководцу-изменнику. У Саньгуй сперва готов умереть за императора Сыцзуна, потом обещает верность государеву тестю Тяню², но затем готов служить Ли Цзычэну; прикрываясь высокими моральными принципами, приглашает маньчжуров лишь из личных целей; наконец, лицемеря, готовит мятеж против маньчжуров. Если бы истинные мотивы его поступков были известны ранее, то и его будущий мятеж – «смуту года *цзя-инь*» – нетрудно было бы предугадать. Лу Цыюнь, правда, со ссылкой на безымянную молву, даже сообщает, будто мятежные замыслы У Саньгуя непосредственно вдохновляла Юаньюань. Можно говорить об откровенной демонизации образа героини к концу повествования. Разумеется, гибель двух столь аморальных личностей была с очевидностью предопределена – такова неизбежная расплата за отсутствие долга подданного и сыновней почтительности (Старые... б. г.: 99).

С сюжетными перипетиями произведения читатели смогут самостоятельно ознакомиться в помещенном в Приложении переводе. Здесь же имеет смысл остановиться на художественных особенностях «Жизнеописания Юаньюань».

Язык повести насыщен метафорами. Столица, в то время находившаяся в Пекине, в повести именуется Чанъань – по названию прославленной столицы империй Хань и Тан. Для обозначения смерти императора используется один из традиционных в таких случаях эвфемизмов «[дворцовая колесница] поздно запряжена». Обращение У Саньгуя за военной помощью к маньчжурам Лу Цыюнь обозначает как «последовал примеру плача во дворе Циньского дворца». Данный образ отсылает к военно-политическому прецеденту эпохи Весен и Осеней, когда чуский сановник Шэнь Баосюй отправился в царство Цинь и семь дней плакал у княжеского дворца, умоляя помочь царству Чу в войне с царством У (Сыма Цянь 1975: 35–36). На яростный гнев указывают широко известные идиомы, также восходящие к «Историческим запискам» Сыма Цяня – «глаза вылезли из орбит» и «вздыбившиеся волосы пробили (или приподняли. – К. П.) шапку».

---

² Исторический Тянь Вань умер до вступления повстанцев в столицу, но Лу Цыюнь об этом не сообщает, возможно, целенаправленно пытаясь сформировать у читателя впечатление, что и свое обещание оказать защиту императорскому тестю У Саньгуй не сдержал.

Повесть изобилует прямыми и скрытыми цитатами: Лу Цыюнь – буквально или опосредованно, от своего имени или устами героев повести – цитирует конфуцианские трактаты «Чжунъюнь», «Луньюй», военный трактат «Сунь-цзы» (редкий случай, когда в тексте указан источник цитаты), стихи Ду Фу (712–770) и У Мэйцуня (1609–1672).

Помимо собственно героев повествования, в повести упомянуто значительное число исторических лиц. Прежде всего это имена так называемых прецедентных персонажей, само употребление которых является нарицательным и содержит отсылку к историческому анекдоту. Именно в таком значении упомянуты известный богач эпохи Цзинь Ши Чун (погибший из-за нежелания отказаться от любимой наложницы Люйчжу), служанка Чжан Чучэнь по прозвищу Красная Мухогонка, жившая на рубеже эпох Суй – Тан, и ее хозяин Ян Су, носивший титул Хо-гун (от которого она сбежала к вэйскому князю Ли Цзину). При этом историческое лицо может быть названо лишь по имени (без фамилии), титулу, должности, прозвищу или месту службы. Например, Ян Су назван его титулом Хо-гун, раннесредневековый полководец Вэй Сяокуань – по имени и т. д. Помимо этого, в тексте содержатся названия литературных произведений, авторство которых не указано, поскольку эрудированным читателям, которым адресовал свою повесть Лу Цыюнь, оно и так, безусловно, было известно. Это относится к «Песне о великом ветре», написанной основателем династии Хань императором Гао-цзу, поэмам «Пипа» и «Повесть о бесконечной тоске», автором которых был танский поэт Бо Цзюйи (772–846). Пожалуй, несколько особняком стоит имя современника Лу Цыюня – поэта У Мэйцуня, на стихи которого автор повести ссылается как на документальное свидетельство. Подобные особенности повествования свидетельствуют об изощренном интеллектуализме и самого автора, и его потенциальной аудитории.

Лу Цыюнь пытается соблюсти правдоподобие в деталях изложения – например, Ли Цзычэн неодобрительно отзываясь о пении Юаньюань, поскольку при позднеминском дворе в моде были южные мелодии, а Ли Цзычэну, уроженцу Запада, более по вкусу приходилась музыка западных регионов Китая. Диалоги героев, конечно, являются лишь авторскими реконструкциями, оживляющими повествование. Включенное в текст повести письмо У Саньгуя к отцу сам Лу Цыюнь, по-видимому, тоже расценивал как реконструк-

цию, поскольку оговаривает, что лишь «вкратце» передает его содержание (Старые... б. г.: 98).

У Саньгуй играет в повествовании не меньшую (если не большую) роль, чем Юаньюань. Почему же автор вынес в заголовок имя героини? Может быть, причина в той значимости, которую приобрел «женский вопрос» в общественной мысли Китая в XVII в. Конец эпохи Мин характеризуется, в частности, попытками пересмотреть вопрос о традиционном месте женщины в обществе, столкновением противоположных точек зрения на проблему. С одной стороны, ортодоксальные конфуцианцы были склонны ограничить участие женщин в ритуальных практиках (Deborah 2005). С другой стороны, философ-вольномыслитель Ли Чжи (1527–1602) принимал женщин в число своих учеников. А при дворе существовала школа для дворцовых служанок, выпускницы которой могли рассчитывать на дальнейший карьерный рост ([Минский]... 1982: 64).

Любопытен маленький инцидент из дворцовой жизни, в котором при желании можно усмотреть проявление веяний времени и противостояние различных подходов. Во дворце минских императоров официально функционировали три учреждения, связанные с отправлением религиозных культов (помимо традиционного культа предков): Чан³ Китайского канона (Хань цзин чан), Чан Иноземного канона (Фань цзин чан) и Чан Даосского канона (Дао цзин чан). Исполнение религиозных ритуалов в данных чанах осуществляли квазимонахи – штат учреждений составляли придворные евнухи, на время проведения религиозных служб они надевали монашеские костюмы, но в остальное время ничем не отличались от прочих дворцовых слуг. От них не требовали принятия монашеских обетов, следование религиозным заповедям тоже не считалось обязательным, исполняющие обязанности буддийских монахов даже не обривали головы (Там же: 52–54). Император Ши-цзун решил добавить к этому институту квазимонахов три общины квазимонахинь – дворцовых служанок, которые прошли необходимую подготовку под руководством наиболее опытных наставников (Там же: 53–54). Подобное нововведение довольно гладко прошло в буддийских Чане Китайского канона и Чане Иноземного канона (кажется, единственной проблемой оказалась невозможность для дворцовых служанок исполнять ритуальный танец *бучи* в Фань

---

³ Название учреждения затруднительно для перевода – букв. «склад», «цех».

цзин чане из-за деформированных бинтованием ног) ([Минский]... 1982: 53). Однако в Дао цзин чане осуществление императорского плана натолкнулось на открытый протест со стороны руководства. Возглавлявший Дао цзин чан Линь Чао и еще двое внутренних слуг выступили с решительным возражением. Они заявили, что покровительствующие их учению Небесные полководцы не столь милосердны, как Будда, поэтому случайные ошибки, допущенные женщинами во время исполнения ритуала, могут навлечь несчастье. Вероятно, подобная аргументация показалась монарху вполне убедительной, поскольку после этого он отказался от реализации своей идеи (Там же: 54).

Конечно, проблема гендерного равенства нашла отражение и в китайской литературе разных жанров. Защитником прав женщин выступает в своих драмах Сюй Вэй (1521–1593), в реальной жизни убивший собственную жену (Goodriche, Fang Chaoying 1976: 610, 611). Образ девушки, получившей ученую степень, выведен в повести из сборника «Поразительное» Лин Мэнчу (Разоблачение... 1977: 167–208). Впрочем, название сборника само по себе показательное; кроме того, героине изначально пришлось выдавать себя за мужчину, а после установления истины и счастливого замужества она покинула общественное поприще. Мудрые и энергичные женщины, порой рядом с бездеятельными мужчинами, встречаются в прозе Пу Сунлина (1640–1715) (Фишман 1980: 72, 96, 101 и др.).

В творчестве Лу Цыюня Юаньюань – не единственный пример неординарной женщины. В определенной степени параллелью к «Жизнеописанию Юаньюань» является «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй». Дворцовая служанка Фэй – прямой антипод Юаньюань: она до конца сохраняет преданность государю, мстит погубившим династию повстанцам и жертвует жизнью во имя спасения императорской дочери (Старые... б. г.: 99–100; Писцов 2020). Противоположную оценку этих двух героинь самим автором нетрудно усмотреть даже в заголовках жизнеописаний. Дворцовая служанка названа по фамилии. Ее имя точно не известно, но едва ли дело только в этом: в соответствии с нормами феодального китайского этикета наименование по фамилии являлось более уважаемым. Фамилия Юаньюань известна – Чэнь, и об этом прямо сказано в самом начале повести, но в заголовке биографии Лу Цыюнь ограничивается лишь упоминанием имени героини, определенно выражая таким образом некоторое пренебрежение к ее лич-

ности. Однако при этом общими чертами, сближающими Юаньюань и Фэй, является их желание и способность активно влиять на происходящие события и манипулировать окружающими, стремление самостоятельно определять собственную судьбу – показательно, что обе героини прямо заявляют о составлении планов-хитростей (Старые... б. г.: 99).

Весьма вероятно, что интерес Лу Цюня к исторической роли двух женщин в событиях конца эпохи Мин обусловлен общей актуальностью «гендерной» темы в идейных течениях XVII в. В послесловии к «Жизнеописанию дворцовой служанки Фэй» Лу Цюнь даже осторожно полемизирует с утверждением Конфуция, что трудно иметь дело с ничтожными людьми и женщинами. Сама возможность подобной полемики обусловлена лишь исключительностью подвига Фэй. Не смея ставить под сомнение авторитет Конфуция, Лу Цюнь лишь допускает возможность существования отдельных исключений из сформулированного Мудрецом принципа (Там же: 100). По-видимому, точка зрения самого Лу Цюня была вполне традиционной. И тем не менее его обращение к подобной тематике показательно. Хотя в конечном счете восторжествовала патриархальная идеология⁴, альтернативная тенденция оставила след в произведениях литературы, в частности в творчестве Лу Цюня.

Повести Лу Цюня представляют значительный интерес для изучения раннего этапа формирования историографии эпохи Мин в цинском Китае. Они во многом определили восприятие тех или иных исторических образов в массовом сознании. Несмотря на известную официозность и неизбежно тенденциозную трактовку исторических событий, произведения Лу Цюня, посвященные драматичному концу эпохи Мин, имеют определенную познавательную ценность для российского читателя начала XXI в. Вспомним, что об У Саньгуе в отечественной исследовательской и научно-популярной литературе написано не так уж много (Доронин 2002: 179–180, 204–205; Бокщанин, Непомнин 2002: 181–190), чаще о нем лишь мельком упоминают в работах общего характера, а имена Юаньюань и дворцовой служанки Фэй русскоязычному читателю известны в значительно меньшей степени. В повестях Лу Цюня «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй» и «Жизнеописание

---

⁴ Вопрос женской эмансипации вновь поднимается в Китае уже в XIX в., что находит отражение и в литературе (Ли Жучжэнь 1959; Цзэн Пу 1990).

Юаньюань», кроме того, отразились определенные идейные течения, характерные для китайского общества того времени. Наконец, несомненны художественные достоинства произведений Лу Цююня (вероятно, менее очевидные в переводе, чем в оригинале), которые позволяют составить определенное представление как об индивидуальных творческих особенностях автора, так и, в более широком контексте, об общих закономерностях развития китайской литературы XVII–XVIII вв.

Публикуя первый перевод «Жизнеописания Юаньюань» Лу Цююня на русский язык, автор надеется внести вклад в популяризацию наследия известного китайского писателя в России, что в свете китайско-российских контактов и культурного сотрудничества представляется весьма актуальным.

Лу Цююнь

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЮАНЬЮАНЬ⁵

Юаньюань по фамилии Чэнь – певичка из Юйфэна. Голосом – первая из голосов Поднебесной, красой – первая из красавиц Поднебесной. В год *гуй-вэй* царствования [под девизом] Чунчжэнь (1643) командующий У Саньгуй был восхищен ее славой, захватил с собой тысячу золотых, отправился пригласить [ее к себе], [но она] уже раньше была приобретена для Тянь Ваня. В то время Юаньюань из-за того, что [ей] не довелось служить У [Саньгую], была недовольна. А У – и того более.

Тянь Вань [был] отцом супруги [императора] Хуэй-цзуна⁶, годами уже глубокий старик. Юаньюань сочинила песню о льющемся потоке и высокой горе, чтобы петь ему, Вань каждый раз отбивал такт в восхищении, [но] не понимал, что она скорбит из-за мечты о загадочном друге.

Весной года *цзя-шэнь* (1644) бродячее зло⁷ сильно разгорелось, Хуэй-цзун затемно одевался [чтобы заняться делами] и ел только поздно вечером, тревожился об этом, позабыл о сне и пище. [Его]

---

⁵ Перевод выполнен по изданию «Старые повести» (б. г.: 97–99). Исходя из формата публикации, переводчик вынужден ограничиться минимумом комментариев.

⁶ Хуэй-цзун – последний минский император Чжу Юцзянь (правил в 1627–1644 гг.).

⁷ Подразумевается масштабная крестьянская война в империи Мин в 1627–1644 гг.

супруга, изыскивая то, с помощью чего [бы] развеять тревогу императора, обратилась к отцу. Вань прислал Юаньюань. Юаньюань подвела брови и вошла, надеялась привлечь [императорский] взор. Император был в глубокой задумчивости, сейчас же приказал ей вернуться в усадьбу Ваня. В это время [повстанческий] полководец Стремительный⁸ подошел к столичному округу. Император поспешно призвал Саньгуя [на аудиенцию] на дворцовую террасу, даровал [одеяние] с четырехкоготным драконом [и] нефритовый [пояс], пожаловал должностью *шанфу*⁹, дал важное поручение, приказал охранять Шаньхайгуань. Саньгуй тогда с воодушевлением принял приказ, дабы пожертвовать собой во имя преданности и верности.

А разбой усилился, богатые и знатные семьи в Чанъани¹⁰ – все трепетали. Вань сильно встревожился, поведал [о своих опасениях] Юаньюань. Юаньюань сказала: «Сейчас смутное время, а господину не на кого опереться, беда непременно придет. Почему [бы] не завязать дружбу с полководцем У, чтобы обрести помощь в малых и больших затруднениях?» Вань ответил: «Когда же сейчас это сделать?! Я хочу вступить с ним в тесную дружбу, [да] времени [уж] нет!» Юаньюань сказала: «[Полководец] У уже давно стремится [увидеть] песни и пляски в доме господина! Господин предостерегается примером Ши-вэй¹¹, не позволяет прийти посмотреть. Если [настанет] такое время, когда горят и нефрит, и булыжник, то сможете ли [Вы] укрепить и оградить [свой] золотой грот? Почему бы под этим предлогом [не] пригласить? Тогда [полководец У] непременно придет, не станет поворачивать назад и оглядываться».

Вань согласился с таким [планом], вслед за тем самолично пригласил У Саньгуя посмотреть концерт в своем доме. У хотел этого, однако нарочно отклонил приглашение, только под сильным нажимом прибыл, тогда в военном костюме почтил посещением

⁸ Стремительный – лидер крестьянской войны Ли Цзычэн (1606–1645), принявший титул Стремительный князь.

⁹ *Шанфу* – хранитель оружия и личных вещей императора. Одеяние с четырехкоготным драконом, пояс с нефритовыми накладками – атрибуты высокого чиновничьего ранга.

¹⁰ Чанъань – здесь метафорическое обозначение столицы.

¹¹ Ши-вэй – знаменитый богач Ши Чун (III в.), погибший из-за того, что один из придворных польстился на его наложницу Люйчжу. Историческая аллюзия одновременно содержит намек на дальнейшее развитие событий в повести.

банкет, словно не может проявить бесцеремонность. Вань подготовил прием в высшей степени роскошно, приветствовал [гостя] в высшей степени почтительно. Вино только подали, У в тот же момент хотел уйти. Вань неоднократно вставал с места, уходил в задние покои, вывел всех [своих] певичек, [они] играли на струнных и духовых [музыкальных инструментах], все в высшей степени прелестные. Одна [из них], едва припудренная, соединила [в себе] всю [возможную] прелесть, превзошла [все мирские] голоса, изящная и утонченная. Саньгуй не заметил, как его дух отлетел и сердце затрепетало, тотчас приказал [слугам] снять [с него] военную одежду, сменил на богатое платье, повернувшись, спросил Ваня: «Это не та ли, что зовется Юаньюань? Действительно в состоянии разрушить людской город! Как господин без страха владеет ею?» Вань не знал, что ответить, приказал Юаньюань поднести вина. Юаньюань подошла к месту гостя. У спросил: «Ты вполне счастлива?» Юаньюань тихо ответила: «Красная Мухогонка¹² если даже не была счастлива с Хо-гуном, не тем ли более [я несчастлива] с тем, кому далеко до Хо-гуна?» У кивнул на это. Во время пира неоднократно прибывали сигналы тревоги, У имел вид не желающего уходить, но не мог не уйти. Вань, подсев ближе [к гостю], сказал: «Если бы разбойники пришли, что бы предпринял полководец?» У тогда сказал: «Если бы случилось так, что я получил в дар Юаньюань, то я бы отблагодарил семью господина, прежде чем отблагодарить государство». Вань через силу согласился на это. У немедленно приказал Юаньюань совершить поклоны перед Ванем, выбрал хорошо обьеженную лошадь, усадил ее и увез. Вань растерялся, ничего не мог поделать.

Император торопил У Саньгуя отправиться на заставу [Шаньхайгуань]. Отец Саньгуя, который командовал императорской гвардией и носил имя Сян, боялся, что император узнает про историю о том, как его сын увез Юаньюань, [поэтому] оставил ее в усадьбе, не позволил уехать. Саньгуй уехал, а разбойники тут же взяли штурмом столицу, Хуэй-цзун умер за алтарь Земли и Злаков¹³.

---

¹² Красная Мухогонка – служанка по имени Чжан Чучэнь (VII в.), сбежавшая из дворца князя Хо-гуна к своему избраннику, – героиня танской новеллы «Чужеземец с курчавой бородой» (Танские... 1955: 170–178).

¹³ Алтарь Земли и Злаков – символы государства. Император покончил с собой при падении столицы.

Ли Цзычэн овладел внутренними покоями дворца. [Из] дворцовых служанок одни умерли, другие бежали. Цзычэн спросил дворцового евнуха: «В Высочайшем парке три тысячи [женщин], почему же нет ни одной [достойной зваться] Краса Государства?» Евнух ответил: «Прежний государь оградился от звуков и красок, красавиц мало. [Имеется] одна [только] Юаньюань – подобную действительно редко встретишь в мире. Тянь Вань присылал ее к императору, а император отверг ее. Ныне, слышно, Вань преподнес ее Саньгую, [и] Саньгуй оставил ее в усадьбе своего отца У Сяна». В это время Сян как раз сдался Стремительному. Стремительный тогда немедленно потребовал у Сяна Юаньюань, к тому же описал [для конфискации] его имущество и приказал ему написать письмо, чтобы вызвать сына. Сян во всем подчинился приказу, прислал Юаньюань. Цзычэн изумился и обрадовался, тут же приказал спеть, [она] исполнила песню царства У. Цзычэн, нахмутив лоб, сказал: «Как может быть, что внешность в высшей степени прекрасна, а пение совершенно невозможно слушать?» Тут же приказал [своим] женщинам спеть Западные песни. [Они] играли на лютянях-жуань и цитрах-чжэн, били в глиняные кувшины-фоу, [Цзычэн] сам хлопал в ладоши, чтобы вторить им. Беспорядочные звуки были громки и тоскливы, жгли уши и ломали сердце. Повернувшись к Юаньюань, [Цзычэн] спросил: «Какова эта музыка?» Юаньюань сказала: «Такой музыке подобает звучать лишь на Небесах, [это] не то, чего могут достичь люди из Южного захолустья»¹⁴. Цзычэн в высшей степени увлекся ею. Вслед за тем [Ли Цзычэн] отправил посла одарить сорока тысячами лян серебра¹⁵ войско Саньгуя. Саньгуй получил письмо отца, обрадовался такому [положению вещей] и принял приказ [Ли Цзычэна]. А когда вернулся [отправленный в столицу] лазутчик, [У Саньгуй] спросил у него: «В моем доме все благополучно?» [Тот] ответил: «Описан [для конфискации] Стремительным!» [Саньгуй] сказал: «Я прибуду, и он [все] вернет». Еще один лазутчик вернулся. [У] спросил: «С моим отцом все благополучно?» [Тот] ответил: «Задержан Стремительным!» – «Я прибуду – сразу освободит его». Еще один лазутчик прибыл. [Саньгуй] спросил: «С госпожой Чэнь все благо-

¹⁴ Фраза содержит цитату из стихотворения Ду Фу (История... 1958).

¹⁵ Лян – мера веса и слиток серебра соответствующего веса, служивший платежным средством; применительно к эпохе Мин 1 лян соответствует 37,30 г (Словарь... 2016: 497).

получно?» – «Стремительный забрал ее себе!» Саньгуй выхватил меч, разрубил столик, сказал: «Раз так, могу ли я сдать ему?!» По этой причине написал письмо – ответил отцу, там вкратце говорилось:

«[Я, Ваш] сын, благодаря заслугам отца, жду [должного] наказания, пребывая в рядах войск¹⁶, полагаю, что разбойник Ли дерзок и высокомерен, не пройдет много времени, как он будет уничтожен. Не думаю, что в нашем государстве не осталось [верных] людей, чают ветра, чтобы склониться¹⁷. Узнал на стороне, что совершенномудрый государь уже почил¹⁸, [и] не смог сдержаться, чтобы глаза от гнева не полезли из орбит. До сих пор [я] полагал, что мой отец будет в состоянии ударить в [боевой] барабан¹⁹, поклянется не жить вместе [с разбойниками], а если не так, то перережет себе горло, чтобы пожертвовать собой из-за бедствия в государстве. Как же Вы, таясь, украли для себя жизнь и наставляете [своего сына], чтобы он не следовал долгу?! Если [я] не обладаю гением Сяокуаня²⁰ отразить бандитов, то уж буду пристыжен отвагой пиньюаньского [губернатора], бранившего разбойников²¹. Раз уж отец не смог быть преданным подданным, как же сын сможет быть почтительным сыном?! Отец и сын расстанутся [навек], [я] как можно скорее устремлюсь на разбойников. Хотя бы отца поставили у треножника [для варки мяса] или [разделочной] доски, [угрожая казнить], чтобы завлечь Саньгуя – не посмотрю!»

¹⁶ То есть «занимаю военную должность».

¹⁷ Аллюзия на «Суждения и беседы» Конфуция: «Добродетель благородных мужей – ветер, добродетель маленьких людей – трава. Куда дует ветер, туда и склоняется трава» (Переломов 1998: 385). Вероятно, У Саньгуй хочет сказать, что верноподданные ждут лишь вождя, чтобы оказать отпор повстанцам.

¹⁸ В оригинале употреблен сложный эвфемизм, обозначающий смерть императора – «[дворцовая колесница] поздно запряжена», который сложно передать буквально (ср.: Сыма Цянь 2002: 303; 1996: 227).

¹⁹ Чтобы собрать войска или подать сигнал к атаке.

²⁰ Вэй Сяокуань (509–580) – полководец и государственный деятель эпохи Южных и Северных династий (История... 1958: 899/13455–903/13459).

²¹ Отсылка к танскому государственному деятелю Янь Чжэньцину (709–785), занимавшему пост губернатора Пиньюани. Будучи захвачен мятежниками, Янь отказался изменить долгу и пожертвовал жизнью во имя верности правящему дому (Старая... 1958: 990/14890–992/14892). У Саньгуй хочет сказать, что уж если нет сил разгромить повстанцев, то во всяком случае капитулировать перед ними нельзя – достойнее умереть.

И [У Саньгуй] немедленно последовал примеру плача во дворе Циньского дворца²² – обратился с мольбой к наставнику [маньчжурского] князя²³, чтобы истребить могучих разбойников. Сначала разбил их в сражении у Ипяньши. Цзычэн разгневался, казнил У Сяна вместе с его семьей – 30 с лишним человек. Хотел убить Юаньюань. Юаньюань сказала: «Говорят, полководец У снял доспехи и изъявил покорность, [но] затем из-за служанки вновь привел в действие войска. О гибели служанки стоит ли горевать? [Но] боюсь, он станет смертельным врагом для Князя. Неблагоразумно!» Цзычэн хотел увести Юаньюань с собой. Юаньюань сказала: «Служанка уже служит Великому Князю! Разве не захочет, сопровождая Великого Князя, отправиться в путь? Боюсь, полководец У из-за служанки будет неотступно преследовать без конца. Князь обдумает это, [если] сочтет, что может дать ему отпор, то служанка немедленно подберет юбку на бедра и поскачет [за Князем] верхом». Цзычэн тогда погрузился в размышления. Юаньюань сказала: «Служанка для Князя придумала план. Следует оставить служанку распоясавшемуся врагу, тогда [она] уговорит его не преследовать [Князя] и тем отблагодарит Князя за милостивое отношение!» Цзычэн согласился с этим. И тогда покинул Юаньюань, тяжело нагрузил обоз, в панике ушел на Запад. В это время храбрость Стремительного уже пришла в упадок, при первом ударе барабана исчезала.

Саньгуй вернулся в столицу, спешно [кинулся] разыскивать Юаньюань, отыскал – обнялись [и] утирали друг другу слезы радости. Юаньюань еще не замолвила слово за Стремительного, [а У Саньгуй] сам счел, что «Законы»²⁴ предостерегают [от] преследования разбитого [врага], слышал, что он распустился, но больше об этом не спрашивал. Вскоре [У Саньгуй] был пожалован княжеским титулом, получил удел, воздвиг себе твердыню²⁵ в Дяньнани²⁶. Ча-

²² То есть «обратился за военной помощью за границу», по примеру древнего сановника Шэнь Баосюя.

²³ Наставник [маньчжурского] князя – регент Доргунь, правивший маньчжурским государством за малолетнего племянника.

²⁴ Подразумевается «Сунь-цзы» (Конрад 1995: 34).

²⁵ В оригинале «Мэйю» – название крепости, которую во II в. воздвиг для себя сановник Дун Чжо, намеревавшийся захватить императорский трон.

²⁶ Дяньнань – провинция Юньнань.

сто велел Юаньюань спеть, Юаньюань каждый раз пела «Строфы о сильном ветре»²⁷, чтобы угодить ему. У напивался вина, постоянно выхватывал меч и пускался в пляс, принимал в высшей степени воодушевленный [внешний] вид. Юаньюань немедленно двумя руками подносила чашу с вином, желала долголетия, полагала, что [его] священная воинственность не имеет равных среди современников. У еще больше любил ее, поэтому [она оставалась] его особой любимицей несколько десятков лет – словно один день.

У Саньгуй вынашивал мятежный замысел. Прикидывался скромным и почтительным. Тайно собирал [вокруг себя] выдающихся мужей Поднебесной. Как говорят, все исходило от замыслов [той, с кем он] видел одни сны²⁸. А ничего не ведающие обыватели считали, что Саньгуй смог научиться у Шэнь Сюя, чтобы воздать по заслугам Великому Врагу государя и отца, [что он] преданный и сыновне почтительный человек. Как же могли [они] знать, что причина, по которой он обратился с мольбой к наставнику [маньчжурского князя], вероятно, была в этом, а не в том! После этого пользовался почетом, был обращен лицом к Югу²⁹ в течение тридцати с лишним лет. И вновь волны закипели в стоячем пруду³⁰, [дело] дошло до невыносимых страданий и военного усмирения. В конце концов жестокий и надменный [и его] прекрасная жена вместе [были] истреблены. Разве достаточно, чтобы [этим] оплатить преступление отсутствия долга сына и преданности подданного?!

Послесловие Лу Цюня:

«Сказано: “Не имея доказательств, нельзя верить”³¹. [Если] говорить о Юаньюань, [то] имеются ли доказательства? Отвечу: “Имеются!” Доказательства этому найдутся в стихах У Мэйцуня³², возливателя жертвенного вина, по имени Вэйе. Мэйцунь, подражая [поэмам] “Пипа” и “Бесконечная тоска”³³, создал “Песню о Юань-

²⁷ Сочинение основателя империи Хань императора Гао-цзу (правил в 206–194 гг. до н. э.).

²⁸ Метафора для обозначения супругов, здесь подразумевается Юаньюань.

²⁹ Сидящий лицом к Югу – император, то есть У Саньгуй являлся фактически полновластным монархом.

³⁰ То есть поднялся мятеж.

³¹ Цитата из «Чжуньюн» (Конфуцианское... 2004: 144).

³² У Мэйцунь (1609–1672) – поэт, в начале эпохи Цин занимал должность возливателя жертвенного вина в Государственной Академии (История... 1958).

³³ Поэмы Бо Цзюйи, первая посвящена воспоминаниям постаревшей гетеры, вторая – императорской наложнице Ян-гуйфэй, косвенной виновнице смуты в стране (Поэзия... 1987: 311–323). Пипа – струнный музыкальный инструмент.

юань», чтобы обличить У Саньгюя, [где] сказано: «Разгневался так, что вздыбившиеся волосы приподняли шапку – [а все] из-за прекрасного личика»³⁴. По-видимому, это правдивые записи. Саньгуй преподнес ему большие деньги, просил уничтожить эти стихи. У [Мэйцунь] не согласился. Во времена могущества У Саньгюя возливатель жертвенного вина сумел ясно указать на его порок, отказался от его взятки, пренебрег и не обратил внимания. В отношении Смуты года *цзя-инь* (1674) – [он] словно заранее смог предвидеть то, что У Саньгуй скрывал. О! Мэйцунь разве не является беспристрастным летописцем³⁵, описавшим историю в [своих] стихах?!»

Литература

Бокщанин, А. А., Непомнин, О. Е. 2002. *Лики Среднего царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая*. М.: Вост. лит-ра.

Доронин, Б. Г. 2002. *Историография императорского Китая XVII–XVIII вв.* СПб.: Филологический факультет СПбГУ.

«Жизнеописание Юаньюань» цинского Лу Цюня в переводе на байхуа, перевод – Лэ Кан. Б. г.а (на кит. яз.). URL: <https://tieba.baidu.com/p/4304003235> (дата обращения: 28.05.17).

«Жизнеописание Юаньюань» цинского Лу Цюня [по второму имени] Юньши) Б. г.б (на кит. яз.). URL: <http://www.guoxue123.com/jijijibu/0201/09xucs/196.htm> (дата обращения: 28.05.17).

История Северных [династий] (Комментарий, перевод и оценка древней повести на вэньяне «Жизнеописание Юаньюань»). 1958 (на кит. яз.). URL: <https://www.kekeshici.com/guji/wenyanxiaoshuo/153724.html> (дата обращения: 30.05.2024).

Конрад, Н. И. 1995. *Синология*. М.: Ладомир.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). 2004. М.: Вост. лит-ра.

Ли Жучжэнь. 1959. *Цветы в зеркале*. М.; Л.: Изд-во Академии Наук.

[Минский] Лю Жоюй. *История Минских дворцов; [Цинский] Гао Шици. Записки во время приема пицци подле Золотой черепахи*. 1982 (на кит. яз.).

³⁴ То есть воинственный гнев У Саньгюя в действительности был вызван лишь утратой Юаньюань.

³⁵ Наричательное обозначение, по имени Дун Ху – историка VII в. до н. э.

Переломов, Л. С. 1998. *Конфуций. Луньюй*. М.: Вост. лит-ра.

Писцов, К. М. 2020. «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй» Лу Циюня – история и литература. *Историческая психология и социология истории* 2: 94–110.

Поэзия эпохи Тан, VII–X вв. 1987. М.: Худ. лит-ра.

Разоблачение божества. 1977. М.: Наука.

Словарь наиболее употребительных иероглифов древнекитайского языка. 2016. Б. м. (на кит. яз.).

Старая книга о Тан. Б. м., 1958 (на кит. яз.).

Старые повести. Сб. 6, [ч.] 1, эпоха [Цин]. Б. г. (на кит. яз.).

Сыма Цянь.

1975. *Исторические записки*: в 9 т. Т. 2. М.: Наука.

1996. *Исторические записки*: в 9 т. Т. 7. М.: Наука.

2002. *Исторические записки*: в 9 т. Т. 8. М.: Наука.

Танские новеллы. 1955. М.: Изд-во Академии Наук СССР.

Фишман, О. Л. 1980. *Три китайских новеллиста, XVII–XVIII вв.: Пу Сунлин, Цзи Юнь, Юань Мэй*. М.: Наука.

Цзэн Пу. 1990. *Цветы в море зла*. М.: Худ. лит-ра.

Чэнь Юаньюань (на кит. яз.). URL: <https://zh.wikipedia.org/zh-hant/陳圓圓> (дата обращения: 26.05.2024).

Deborah, A. 2005. Sommer Decentering Imperial Women: Confucian Fertility Rites in the Ming dynasty. *Pakistan Journal of Women's Studies: Alam-e-Niswan* 12 (2): 17–29.

Goodrich, L. C., Fang Chaoying (eds.). 1976. *Dictionary of Ming Biography, 1368–1644*. Vol. 1–2. New York: Columbia University Press.